

УДК: [902.6:904.2](470.5)“638”

Е. Ф. Королькова

О НЕАБСОЛЮТНОСТИ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ АРХАИЧЕСКОЙ СКИФИИ И ЕЕ ВОСТОЧНЫХ РЕПЕРОВ

Статья рассматривает уникальную арамейскую надпись на раннескифском псалии, найденном в Южном Приуралье в с. Рысайкино в разрушенном крестьянами кургане, и ее интерпретацию, предложенную А.С. Балахванцевым, а также дискуссионные проблемы возможности ее использования как надежного основания для смещения датировки к VIII в. до н. э.

Ключевые слова: абсолютная хронология, архаическая Скифия, арамейская надпись, палеография, буква, псалий, дата, конская узда, аналогия, звериный стиль.

Проблема абсолютной хронологии скифской истории и, в частности, ее раннего периода всегда остается остро дискуссионной. Время от времени появление новых методических возможностей или археологических открытий стимулировало приверженцев противоположных точек зрения выдвигать новые крайние позиции в этом споре и, соответственно, критику и контраргументы со стороны оппонентов. В последнее время поводом для смещения начала раннескифской культуры к VIII в. до н. э. послужила датировка А.С. Балахванцевым надписи на псалии из с. Рысайкино в коллекции Эрмитажа и ее значительное удревание (рис. 1). А.С. Балахванцев опубликовал несколько статей, посвященных этой надписи [Балахванцев, 2012, с. 358 — 361; 2016, с. 15 — 24], стремительно меняя даже собственные обоснования и констатируя, что предложенная им же ранее «аргументация в части хронологии успела устареть еще до выхода сборника со статьей в свет» [Балахванцев, 2016, с. 19]. Автор рассматривает палеографические особенности и формальные признаки как основание для датировки надписи и приходит к заключению,

© Е. Ф. КОРОЛЬКОВА, 2017

что «используемые в ней формы букв и словоразделителя могли встретиться на одном предмете только в конце VIII в. до н. э. [Балахванцев, 2016, с. 20]. Поскольку я не являюсь специалистом в области арамейской палеографии, не берусь вдаваться в надежность аргументации автором датировки форм написания отдельных букв, но все же хочу отметить ряд несомненных формальных неточностей и логических нарушений в его публикации. В данном случае точность в деталях мне представляется особенно важной.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на несколько странный «исторический экскурс» в вопросе открытия самой надписи. А.С. Балахванцев, упоминая данные о приобретении Эрмитажем в 1932 г. псалия из разрушенного крестьянами погребения в с. Рысайкино, пишет, что через пятьдесят лет после находки «хранитель Е.Ф. Чежина» обнаружила в 1986 г. надпись, остававшуюся до того незамеченной [Бала-

Рис. 1. Фотография псалия из с. Рысайкино

Рис. 2. Фотография надписи с протиркой 1986 г.

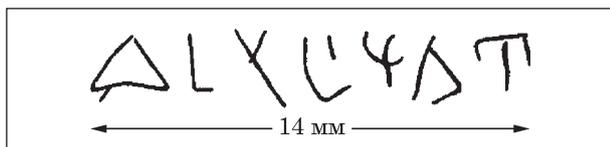

Рис. 3. Прорисовка надписи Е.Ф. Корольковой

хванцев, 2016, с. 19]. Поскольку именно я в то время носила эту фамилию, хотя вовсе не была хранителем псалия, а занималась его детальным исследованием, думаю, что правильнее было бы упомянуть мою настоящую фамилию, которая автору хорошо известна, тем более что на мои публикации этой надписи [Чежина (Королькова), 1987, с. 25 — 28; 1989, с. 261 — 264], вышедшие под прежней фамилией, А.С. Балахванцев все равно не ссылается.

Опубликовав обнаруженную надпись (рис. 2, 3), я надеялась на то, что она привлечет внимание специалистов в палеографии и эпиграфике, однако, к сожалению, ошиблась: вероятно, подобные надписи настолько редки, что их практически не с чем сравнивать. Это первая и, увы, единственная арамейская надпись, обнаруженная на предмете, найденном в Южном Приуралье, и датированная столь ранним временем. Надпись на утилитарном предмете, принадлежащем культуре древних кочевников, не имевшей письменности, — случай сам по себе исключительный. Когда по прошествии еще двадцати лет этот сюжет привлек, наконец, внимание А.С. Балахванцева, я была рада предоставить ему фотографии, прорисовки и все данные, надеясь на новое развернутое исследование. Тем более что за прошедшее время появились новые технические возможности фотофиксации. А.С. Балахванцев внес уточнения в начертании некоторых знаков: я полагала, что надпись состоит из 7 букв, однако он выделил еще разделительный знак между двумя словами, который я приняла за гасту одной из букв [Балахванцев, 2012, с. 358]. Таким образом, надпись состоит из двух слов, включающих 7 букв, и разделительного знака. А.С. Балахванцев дал также новую транслитерацию рысайкинской надписи и предложил ее прочтение.

Сейчас мне кажется необходимым уточнить все данные. Речь идет о раннескифском роговом псалии с головкой грифобарана и копытцем на концах. К сожалению, в силу обстоятельств находки, сведения о происхождении предмета минимальны, а сам он лишен архе-

Рис. 4. Фотография фрагмента псалия с надписью

ологического контекста. Надпись, несомненно, сделана человеком, имевшим в письме значительный навык: нанесена она острым предметом на криволинейную выпуклую поверхность твердого гладкого материала (рога), покрытого тончайшими продольными трещинками. Все это затрудняет нанесение букв. Тем не менее, буквы написаны ровной строчкой, тонкими линиями с равномерными интервалами и нажимом (высота букв примерно 2 мм, а вся надпись занимает в длину 1,4 см) (рис. 4). Нет сомнения в том, что эта надпись должна иметь какой-то весьма значимый смысл, сделавший достаточной мотивацию автора для ее аккуратного нанесения на столь неудобной поверхности. Этот уникальный благодаря надписи предмет, безусловно, имеет какой-то исторический контекст, неведомый нам.

Раннескифский псалий обнаружен в регионе, для которого такого типа детали конской узды, как и образ грифобарана, совершенно нехарактерны. Таким образом, столь интересная находка содержит в себе больше вопросов, чем доказательной информации.

В свое время я показывала разным специалистам эту надпись, и наиболее обоснованной мне показалось заключение В.А. Лившица, который признал ее арамейской и склонен был датировать ахеменидским временем [Чежина (Королькова), 1989, с. 263]. Справедливости ради, следует отметить, что высказав свое мнение относительно атрибуции надписи, В.А. Лившиц сразу оговорился, что предлагаемое им чтение абсолютно условно и, скорее всего, не соответствует реальности. Более того, он крайне скептически отнесся к возможности прочтения этой надписи вообще, учитывая, что материала для сравнения практически нет, и установить диалект, на котором мог говорить ее автор, вряд ли будет возможно. Однако, то, что надпись арамейская, у него не было сомнений, в отличие от И.Ш. Шифмана, который не был в этом уверен. А.С. Балахванцев отверг все лингвистические выводы В.А. Лившица и предложил свою интерпретацию надписи [Балахванцев, 2012, с. 358]. Не будучи специалистом в такой тонкой материи, как палеография, не стану оценивать лингвистическую мотивацию обоих исследователей. Замечу только, что в последней статье А.С. Балахванцева, посвященной рысайкинской надписи, к моему удив-

лению, он уже вообще не вспоминает мнения В.А. Лившица, а ссылается лишь на свою более раннюю публикацию: «Чтение и перевод надписи, оказавшейся арамейской, были опубликованы мною еще в 2012 году» [Балахванцев, 2016, с. 19], как бы забывая, что арамейской она «оказалась» еще в 1986 г.

Однако вернемся к предложенному А.С. Балахванцевым чтению надписи. По его мнению, надпись можно перевести как «крепко пригнанный (прилаженный) для жеребенка», «что очень хорошо соответствует сути предмета», на который нанесена надпись [Балахванцев, 2012, с. 359; 2016, с. 19]. Позволю себе с этим не согласиться, потому что как раз никакого смыслового соответствия не вижу: во-первых, логически необъяснимо, зачем стараться подписать функциональную деталь узды (для которой, кстати, не в первую очередь в конской амуниции важна «крепкая пригнанность»); во-вторых, для жеребенка это и вовсе не актуально, поскольку узда — средство управления лошадью, а использовать жеребенка под седло вряд ли кому-то в здравом уме пришло бы в голову даже в VIII в. до н. э. В качестве второго варианта интерпретации слова, А.С. Балахванцев допускает вместо «жеребенка» имя собственное «Малыш», т. е. имя лошади. Но и это чтение не кажется мне убедительным, поскольку смыслом надпись от этого не наполняется и полностью игнорирует задачу любой надписи, которая всегда имела какую-то осмысленную цель. Кроме того, само предложение выглядит откровенной вульгаризацией: может быть, в современной деревне каждая корова «Зорька», а каждый тележный мерин «Малыш». Однако представляется, что имя верхового коня в древности должно было выглядеть иначе. Подтверждением этому может служить эпос разных народов, в котором имя коня героя обычно названо, что говорит о важности самого персонажа и его близости к герою. Тексты донесли до нас древнюю традицию давать лошадям имена, обозначающие их масть [Королькова, 2006, с. 36, 37]. В средневековых эпических поэмах Западной Европы кони нескольких героев носят одно и то же имя — Босан, что значит «пегий». Этим именем названы кони Гильома Оранжевого и Ожье Датчанина [Песни ..., 1985], а также герцога Бега де Белена в «Романе о Гарене Лотарингском». В «Песни о Роланде» имя коня Ганелона — Ташбрюн, что значит «бурый в яблоках» [Песнь ..., 1976, с. 37]. Близкая традиция прослеживается и в культурах Востока. Так, в китайской мифологии [Юань Кэ, 1987, с. 244] у правителя Му-вана, было восемь скакунов. Они происходили от боевых коней, некогда отпущенных на волю, и носили примечательные имена: Хуалю — рыжий черногривый (т. е. гнедой), Луэр — Зеленое ухо, Чицзи — Рыжий быстроногий, Байса — Белая жертва, Цюйхуан — Огромный буланный, Юй-

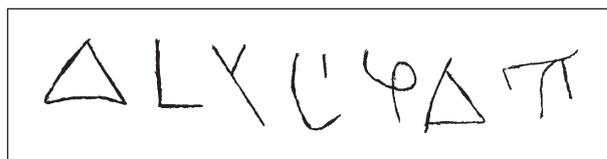

Рис. 5. Прорисовка надписи, предложенная А.С. Балахванцевым

Рис. 6. Фотография надписи для уточнения графики букв

лунь — Превосходное колесо, Даоли — Быстроногий вороной, Шаньцзы — Сын гор. Конь Манаса носит имя Ак-кула (Белая нога) [Манас, 1984], а имя Сивки-Бурки-Вещего Каурки из русских сказок не требует комментария.

Исторические реалии дают интересный материал для сравнения. Известно, что центральноазиатские кочевники курыканы преподносили в дар китайскому императору своих лучших коней. Так, в 647 г. император Поднебесной выбрал десять отличных коней, которым были даны поэтические имена: Парящий, как белый иней; Пегий, блестящий как снег; Пегий, как застывшая роса; Пегий, как висящий свет; Прекрасный конь, разрезающий волну; Желтый конь, как летящая заря; Красный конь, как стремительная молния; Желтый конь с черной мордой, как текучее золото; Красный, как убегающая радуга [Нестеров, 1990, с. 9; Королькова, 2006, с. 37]. Приведенные примеры показывают, что имена лошадей в древности выбирали не случайно, и «Малыш» плохо вписывается в эту концепцию: представить себе боевого коня с таким именем можно лишь обладая большой долей фантазии. Таким образом, предложенное чтение надписи мне представляется несостоятельным.

А.С. Балахванцев увязывает интерпретацию рысайкинской надписи с проблемой абсолютной хронологии и периодизацией скифской истории, рассматривая этот уникальный предмет в числе самых важных восточных реперов для обоснования радикально ранней датировки начала раннескифской культуры в конце VIII в. до н. э. Не вдаваясь в детали этой области исследования, хочу лишь обратить внимание на то, что А.С. Балахванцев все же не избежал некоторых субъективных неточностей в воспроизведении в прорисовке надписи и, следовательно, искажил отдельные признаки, которые могут оказаться важными (рис. 5; 6). Кроме того, надежным и точным хронологическим индикатором любой признак может стать лишь при наличии большого количества сравнительного материала, а его-то, как раз и

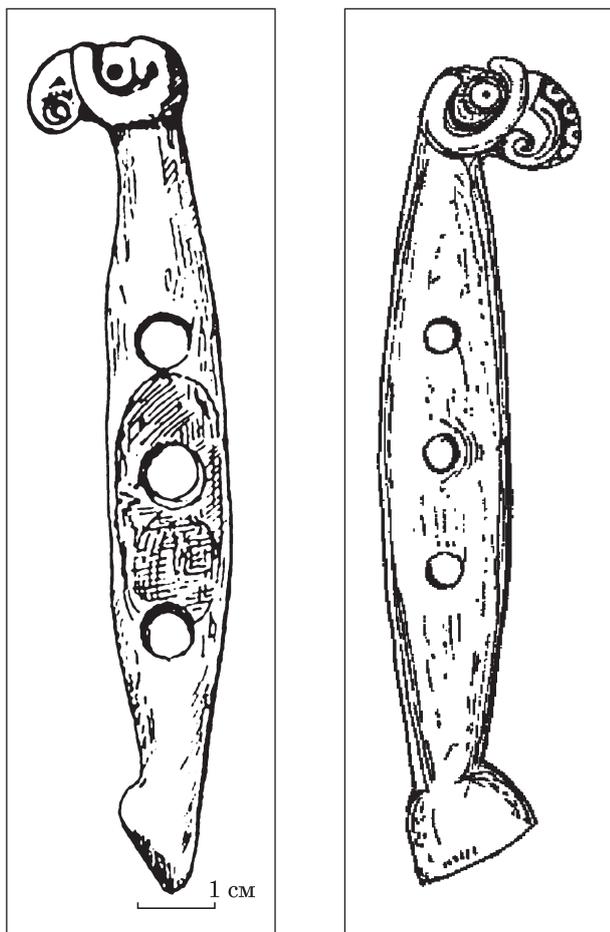

Рис. 7. Псалий из с. Рысайкино. Рисунок Е.Ф. Корольковой

Рис. 8. Псалий из кургана 2 у с. Аксютинцы (по В.А. Ильинской)

не хватает. Например, А.С. Балахванцев указывает, что в рысайкинской надписи две буквы встречаются дважды. При этом в обоих случаях (два раза использован *ламед* и дважды — *далет*) их начертание сильно различается, при том, что они нанесены одновременно и заведомо одной рукой [Балахванцев, 2012, с. 359]. Графика обеих букв в этих повторах имеет существенные различия, на мой взгляд, необъяснимые при строгости формальных признаков письма. Возможно, хронологические признаки в этой графике не столь категоричны, чтобы на одном случае решить все хронологические задачи. А если учесть, что арамейским письмом мог пользоваться человек самого разного происхождения, привычными для которого могли быть навыки, полученные неизвестно где и в какой среде, можно допустить, что мы *слишком многого* не знаем в данном случае. Но оставим проблемы палеографии.

Образы звериного стиля также могут давать некоторую опору, хотя и не слишком надежную, в определении хронологической позиции рысайкинского псалия. Самой близкой аналогией ему является пара псалиев с головкой грифобарана

и копытцем на концах их кургана 2 у с. Аксютинцы в Посулье (коллекция КИМ) [Ильинская, 1968, табл. XX, 16; Могилов, 2008, с. 258, рис. 43, 3]. Псалии из кургана 2 в Аксютинцах демонстрируют близость рысайкинскому экземпляру как в стилистическом, так и в морфологическом отношении (рис. 7; 8). Курган 2 (С.А. Мазараки) у с. Аксютинцы, к сожалению, не имеет ясной археологической картины, но детали конской узды, обнаруженные в нем, без сомнения, имеют раннюю дату и сопоставимы с псалиями с грифобаранами из Келермесского могильника. Еще одна близкая аналогия для рысайкинского псалия — псалии из Репяховатой Могилы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 35, рис. 4]. Однако как келермесские псалии [Галанина, 1997, табл. 21, 179, 180, 188, 189, 195], так и псалии из Репяховатой Могилы, были составными и отличались морфологически от рысайкинского экземпляра, а в стилистическом отношении демонстрировали более рельефные, почти «монументальные» изображения. Косвенно это служит признаком относительно более раннего происхождения. Так как художественный стиль вообще имеет свои универсальные законы развития, эволюционируя от ясной и лаконичной конструктивности, часто характеризующейся признаками монументальности и брутальной рельефности, к декоративности и графической трактовке формы, сопровождающейся сглаживанием рельефа и выраженной тенденцией к миниатюрности, можно предполагать относительно более позднюю дату рысайкинского псалия по сравнению с келермесскими образцами.

Близкие аргументы против точки зрения А.С. Балахванцева в определении хронологической позиции рысайкинского псалия и надписи уже высказывались в литературе [Эрлих, Канторович, Маслов, 2015, с. 78]. В то же время другие исследователи с готовностью приняли раннюю дату, предложенную А.С. Балахванцевым, правда, ее первоначальный вариант — начало VII в. до н. э. [Рябкова, 2014, с. 207, прим.].

Что касается абсолютной датировки рысайкинского псалия, то опубликовав обнаруженную надпись в 1987 г. и опираясь на общепринятую тогда хронологическую схему периодизации скифской истории, претерпевшую заметные изменения в последующие годы, я склонна была отнести его к началу VI в. до н. э. [Чежина (Королькова), 1987, с. 27]. К слову, А.С. Балахванцев, приводя в своей статье прежние мнения на датировку псалия, в том числе и совпадающие с моим, ссылается на работы разных исследователей, исключая мою [Балахванцев, 2012, с. 360]. Сейчас, учитывая сдвиг всей скифской хронологии и пересмотр дат таких памятников, как Келермесские курганы, Репяховатая Могила и т. д. в сторону удреждения, я считаю, что приемлемой датой для самого псалия и надписи вполне может быть время около середины

VII в. до н. э., но датировка VIII в. до н. э. представляется слишком смелой в силу отсутствия достаточно надежных для этого оснований.

Резюмируя аргументацию А.С. Балахванцева для интерпретации рысайкинского псалия с арамейской надписью как восточного репера для датировки раннескифской культуры VIII в. до н. э., хочу еще раз перечислить реально имеющиеся у нас данные.

Итак, мы имеем: псалий раннескифского типа, без какого бы то ни было сопроводительного материала, не имеющий археологического контекста и найденный в разрушенном крестьянами кургане в Самарской области, место которого точно не установлено и который никогда не исследовался. Тип псалия и зооморфное изображение на нем абсолютно не характерны для региона Южного Приуралья. Псалий имеет уникальную особенность — арамейскую надпись, аналогий которой нет. Надпись практически не читается, т. к. предложенная А.С. Балахванцевым интерпретация более, чем сомнительна. Неизвестно, на каком языке или диалекте арамейского языка сделана эта надпись. И вот именно она становится решающим аргументом для серьезного пересмотра абсолютной хронологии скифской истории, становясь репером для всей ее хронологической системы. Мне кажется это необоснованным.

Балахванцев А.С. Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. М.П. Грязнова.* — М., 2009. — Кн. 2. — С. 358—361.
Балахванцев А.С. Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы // *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. конф., посвящ. пам. М.Н. Погребовой (Москва, 25—27.04.2016 г.).* — М., 2016. — С. 15—24.

Галанина Л.К. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. — М., 1997. — 296 с. (Степные народы Евразии. — Т. 1).

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 203 с.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // *Скифия и Кавказ.* — К., 1980. — С. 31—63.

Королькова Е.Ф. Скачущие сквозь века... // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре: Произведения из собрания ГЭ. — СПб, 2006. — С. 29—61.

Манас. Киргизский героический эпос. — М., 1984. — 544 с. (Эпос народов СССР. — Кн. 1).

Могилев О.Д. Спорядження коня скифської доби у лісостепу східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1990. — 142 с.

Песни о Гильоме Оранжском / Пер. Ю.Б. Корнеева. — М., 1985. — 576 с. (Литературные памятники).

Песнь о Роланде / Пер. Ю.Б. Корнеева. — М., 1976. — 656 с. (Библиотека всемирной литературы).

Рябкова Т.В. Три костяных псалия из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // *Археологические вести.* — 2014. — Вып. 20. — С. 205—216.

Чежина (Королькова) Е.Ф. Раннескифские зооморфные псалии из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // *СГЭ.* — 1987. — Вып. 52. — С. 25—28.

Чежина (Королькова) Е.Ф. Уникальная надпись на раннескифском псалии из Южного Приуралья // *СА.* — 1989. — № 1. — С. 261—264.

Эрлих В.Р., Канторович А.Р., Маслов В.Е. Спорные вопросы хронологии Архаической Скифии // *Вестн. РГНФ.* — 2015. — № 1. — С. 73—82.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. — М., 1987. — 527 с.

Е.Ф. Королькова

ПРО НЕАБСОЛЮТНІСТЬ АБСОЛЮТНОЇ ХРОНОЛОГІЇ АРХАЇЧНОЇ СКИФІЇ ТА ЇЇ СХІДНИХ РЕПЕРІВ

Стаття присвячена унікальному арамейському напису, що був виявлений у 1986 р. на роговому псалію, знайдений 1932 р. у с. Рысайкіно в Приураллі. Цей ранньоскифський псалій із зібрання Ермітажу став предметом дискусії та визвав полеміку відносно східних хронологічних реперів та того, яким чином вони впливають на абсолютну хронологію архаїчної Скифії. На думку А.С. Балахванцева, що побудована на палеографії, напис може датуватися VIII ст. до н. е., що дозволяє суттєво поглибити абсолютну хронологію ранньоскифської історії. Полеміка наче дає можливість визнання достатніми основи для такого раннього датування предмету, який між іншим розглядається у порівнянні з палиями такого ж типу VII ст. до н. е.

Ключові слова: абсолютна хронологія, архаїчна Скифія, арамейський напис, палеографія, буква, псалій, дата, конська вузда, аналогія, звериний стиль.

E.F. Korolkova

ABOUT NON-ABSOLUT OF ABSOLUTE CHRONOLOGY OF ARCHAIC SCYTHIA AND ITS EASTERN CHRONOLOGICAL BENCHMARKS

The article deals with the unique Aramaic inscription which was discovered in 1986 on a bone cheek-piece found in 1932 in Rysaikino village in the Urals region. This archaic Scythian cheek-piece from the Hermitage collection became a cause of discussion and inspired polemics concerning eastern chronological benchmarks and how they can contribute to the absolute chronology of archaic Scythia. On A. Balakhvantsev opinion basing on paleography, the inscription can be dated from the 8th century BC. The controversy is of sufficient grounds for such early date of this object which can be considered in comparison with the similar cheek-pieces of the 7th century BC.

Keywords: absolute chronology, archaic Scythia, Aramaic inscription, paleography, letter, cheek-piece, date, horse-bridle, analogy, Animal Style.

Одержано 16.02.2017